

Глава 1

КРЕСТ ОСНОВАТЕЛЯ

Наш единственный долг перед историей — переписать ее заново¹.

1 марта...

Прага, умытая дождем, сверкала золотыми огнями. Они отражались в черной воде Влтавы и мокрых мостовых. Затмевали звезды. Размывались в окнах проносящихся по улицам трамваев. Окутывали пролеты мостов. Светились Вышеград, Градчаны, Оперный театр, Карлов мост...

Исторический центр города был похож на разноцветную игрушку. От бывшего мрачного величия не осталось и следа. Холодная, молчаливая, угрожающая суть старого города скрылась за сверкающими фасадами, обманывая толпы туристов...

Кристоф вышел из метро за час до закрытия и, проигнорировав такси, отправился пешком. Последний раз он посещал Прагу очень давно и сейчас испытывал легкое любопытство — осталось ли за прошедшие столетия хоть что-нибудь от легендарного прежде города ведьм и колдунов?

Рядом с ним торопливо шагал Босхет. Непривычно молчаливый, он жадно поглядывал по сторонам, вдыхал давно забытые ароматы старого града и едва заметно улыбался чему-то. У него были свои собственные воспоминания, связанные с этим местом.

Кадаверциану понадобилось не много времени, чтобы со-

¹ Оскар Уайльд. Критик как художник.

риентироваться. Несмотря на яркие неоновые вывески и прочую мишуру цивилизации, местность осталась знакомой. Некромант без труда узнал набережную Яна Палача и, повернув налево, пошел вдоль трамвайных путей, оставив за спиной Еврейский квартал.

— Почти ничего не изменилось, — пробормотал Босхет, и его глаза торжествующе сверкнули желтым. — Все осталось прежним, мэтр, — добавил он, обращаясь к колдуну с таким самодовольным видом, как будто неизменный вид Праги был его собственной заслугой.

Мостовая влажно блестела после недавнего дождя, рельсы сверкали в свете уличных фонарей. В Столице сейчас бушевали метели, а здесь уже настойчиво пахло весной, свежестью и мокрыми деревьями. В легком воздухе не чувствовалось гнетущей опасности. Непривычное ощущение от города, в котором теперь не рискнул бы жить ни один из братьев...

Через пять минут мастер Смерти и его слуга уже стояли возле Старогородской предмостной башни, которая прежде охраняла вход на Карлов мост. И башня, и мост, и прекрасно видимый отсюда комплекс Пражского града не привлекли их внимания. Взгляд кадаверциана был направлен к темнеющей на противоположном берегу Влтавы громаде Петринского холма. Именно он, а точнее — то, что скрывалось *под* ним — стало целью приезда.

Кристоф прошел через проездную арку башни и оказался на мосту, заполненном гуляющими людьми. Звучала многонациональная речь туристов. Возгласы. Смех. Ежесекундные фотовспышки ослепляли. Мрачный, темный город спрятался за световой иллюминацией и восхищением ничего не понимающих людей. Они не ощущали давящей тяжести и сосущей боли в позвоночнике, не видели призрачную тень, витающую над Прагой, и продолжали проживать свои беспечные короткие жизни, удивляясь тому, что так часто и тяжело болеют.

Влтава отражала многочисленные огни и казалась их зеркальным продолжением. Множество теплоходиков курсировали по реке, катая зевак. Обогнув старого шарманщика и послав угрожающий взгляд молодому карманнику, колдун клана Смерти покинул мост.

Людей не стало меньше. Улица тоже оказалась заполнена. Кадаверциан продирался вперед, стараясь как можно быстрее вырваться из этой гомонящей, переливающейся всеми цветами

радуги, жгучей, испускающей сладкий аромат крови, толпы. Босхет рыкнул на компанию особо веселых юнцов, обменялся с ними парой резких фраз на чешском и, довольный, поспешил догнать хозяина.

Кристоф был голоден. Очень голоден, а сдерживать жажду, когда вокруг столько людей, невероятно сложно. Даже для такого, как он.

Но с инстинктами приходилось бороться. Нельзя лезть в катакомбы на сытый желудок. Свежая кровь в теле вампира способна мгновенно разбудить использованную после войны с кланом Лудэр силу, которая во много раз страшнее и опаснее Витдикты.

Колдун прогнал неприятные мысли и быстро прошел мимо ярких витрин магазинов и лавок — настоящего рая для иноземных гостей. Здесь имелось в наличии все — начиная от жутковатого вида марионеток, изображающих чернокнижников и ведьм, до знаменитого чешского хрусталя и гранатов. Впрочем, последние, на месте смертных, Кристоф поостерегся бы покупать. В те годы, когда он еще был молод, считалось, что красный гранат — это запекшаяся кровь. Чем больше ее пролилось на землю, тем больше темных, кроваво-красных камней в ней найдут.

А земля Праги впитала слишком много крови — так много, что ее вполне можно сравнить с вампиром. Она всегда сосала силу из людей, сама принуждала воевать, пила пролитую жизнь и боль. И даже сейчас не успокоилась. Кадаверциан чувствовал, что она *ждет*, дрожит от предвкушения, посылая тем, кто может ее слышать, кошмарные сны.

Перед костелом святого Микулаша некромант свернул налево и спустя еще несколько минут оказался в стороне от туристических маршрутов. Людей здесь почти не было. Единственное кафе уже закрывалось. Кристоф углубился в переплетение узких улочек и переулков. Один раз пропустил поворот, но вовремя остановился и вернулся обратно. Пройдя мимо полицейского участка, вышел на Влашску.

Дорога заметно поднималась в гору. Мокрая брусчатка, отражающая огни фонарей, стилизованных под начало девятнадцатого века, высокие стены особняков по обе стороны, и ни души. Резкий порывистый ветер крутил флюгер на крыше одного из домов.

До чуткого слуха некроманта донесся отдаленный звон ко-

локолов Вышеграда, и тут же им ответил колокол собора святого Витта.

— Полночь,— тихо пробормотал Босхет.

Колдун быстро шел вперед, узнавая знакомые места. Теперь в бывших дворянских особняках обосновались посольства. В ночи, несмотря на ярко освещенные стены, они казались мертвыми. Совершенно пустая улица, словно всех жителей выкосила чума, производила привычное впечатление. Да, за прошедшие века старые районы Праги изменились не слишком сильно...

Единственного человека на Влашской Кристоф встретил возле открытых ворот госпиталя Милосердных Сестер. Тот был облачен в серое пальто, под которым виднелась больничная пижама, и, сидя в инвалидном кресле, курил папиросу. Больной удостоил случайного прохожего заинтересованным взглядом, но ничего не сказал, лишь поежился от ночной прохлады и сплюнул на брусчатку.

Босхет мрачно посмотрел на него, ухмыльнулся, хотел изречь что-то, но передумал.

Влашка закончилась тупиком. Справа от нее дорогу преграждали запертые железные ворота, а налево круто уходила вверх узкая каменная лестница. На ней тоже горели фонари. Кристоф улыбнулся — у жителей Праги давно вошло в привычку освещать даже самые укромные уголки города. Особенно такие, как Петринский холм. Что ж, ничего удивительного. В Средние века слишком многие стали пищей для живущих здесь братьев, привыкших охотиться в темноте. Особенными зверствами отличались Нахтцеррет, которым в ту пору принадлежал Вышеград.

Однажды Золотые Осы устроили резню сразу в нескольких темных городских кварталах. С утра собиратели трупов устали грузить тела на телеги, а святая инквизиция сбилась с ног, но так никого и не изобличила. И хотя жалкие фонари никак не помогут спастись смертному, если его крови возжелает кто-либо из киндрэт, именно с тех самых пор пражане начали скрупулезно следить за освещением.

Лестница закончилась. Кристоф обернулся, посмотрел на открывшийся вид. Сияющая огнями Прага лежала перед ним как на ладони. Босхет тоже с интересом изучил открывающуюся панораму, многозначительно хмыкнул и засунул руки в карманы куртки.

— Мэтр, помните восстание гуситов? А чуму? Трупы валялись прямо на улицах, а на площади святого Вацла каждую неделю кого-нибудь вешали,— добавил он мечтательно.— Теперь такого не увидишь.

У бетайласа была выборочная память на события прошлого. Единственно ценными дух-убийца считал эпидемии, войны и революции. Остальное не имело особого значения.

— Помню,— отозвался кадаверциан и направился дальше.

Цель его находилась не на вершине, так что он проигнорировал широкую асфальтовую дорогу, ведущую на самый верх, и направился к петляющей по склону узкой тропинке.

Вокруг раскинулся большой парк. Старые клены и липы нависали над кадаверцианом, переплетенные ветви кустарника не давали свернуть в сторону. В отличие от остального города здесь еще чувствовалось дыхание уходящей зимы. Клочки старого снега притаились в тени валунов, а деревья, казалось, только просыпались от холода.

Идти пришлось довольно долго, и, наконец, колдун увидел один из входов в катакомбы Петринского холма. Кристоф допускал, что люди могли замуровать вход или, еще хуже, обрушить своды. Но нет. Все, до чего додумались пражане, — перекрыть ведущий под землю черный провал металлической решеткой.

— Позвольте, мэтр.— Босхет выступил вперед, огляделся, взялся за прутья и без особого труда выдернул из камней ржавую конструкцию.

Подождал, пока кадаверциан войдет, нырнул в темноту следом и аккуратно поставил створку «ворот» на прежнее место, чтобы не привлекать к открытому входу в подземелья лишнего внимания.

Стены, пол и потолок в катакомбах были неровными. Пахло сыростью и гнилыми листьями. Шагов через двадцать коридор резко повернул налево и пошел вниз. Миновав первый подземный перекресток, Кристоф пригнулся — свод стал очень низким.

Мастер Смерти ни на миг не забывал о дремлющей здесь силе. Интересно, его уже почувствовали? И если да, то сколько у него осталось времени? Как долго Витах, способная мгновенно уничтожить любого из киндрэт, позволит некроманту бродить по бывшим владениям кадаверциан, теперь ставшим ее безраздельной собственностью? Но ничего, кроме привычной

сосущей боли в позвоночнике, преследовавшей его с момента прибытия в Прагу, Кристоф не ощущал. Пока все было спокойно. Похоже, порождение иного мира пребывало в глубоком сне.

Колдун шел легко и быстро. Не путаясь в коридорах, не останавливаясь, не оглядываясь, не раздумывая. Путь был привычным. У выступа, похожего на голову младенца, он остановился и, приложив ладонь, произнес несколько фраз. Камень содрогнулся, размяк, потек под пальцами... Вход в святая святых клана Смерти открылся.

Как только кадаверциан пересек незримую черту «врат», стена за спиной снова стала монолитной, а где-то высоко, под сводом, вспыхнули сотни магических огней, освещая широкий коридор.

Внутренний город разительно отличался от катакомб. Гладкий пол и стены были облицованы черным мрамором. Высокий потолок с тяжами контрфорсов. Каменные скульптуры, изображающие кровных братьев. В отдалении слышалось журчание фонтана.

Боль в позвоночнике стала сильнее, пальцы покалывало. Босхет, шагая следом за некромантом, мрачно сопел и сердито передергивал плечами. Дух-убийца тоже чувствовал потустороннюю магию. Но кроме этой явной угрозы существовала и другая. Когда Витах уничтожила Лудэр и растеклась по Праге, кадаверциан покидали свое поселение в большой спешке. Кристоф, следуя приказу Вольфгера, ушел одним из первых, уводя за собой выживших в войне братьев. А мэтр остался еще на несколько часов, расставляя ловушки для возможных незваных гостей и пряча то, что нельзя было унести с собой.

Вольфгер так никому и не рассказал про оставленные здесь смертельные сюрпризы. А ученик не считал необходимым допытывать наставника расспросами, ведь никто из клана не предполагал когда-либо вернуться сюда без его приказа.

Впрочем, как убедился кадаверциан, это был далеко не единственный секрет мэтра. Теперь Вольфгера нет, все тайны он унес с собой, и его воспитаннику придется выпутываться самостоятельно.

Бетайлас коротко кивнул в ответ на взгляд мастера Смерти и направился вперед. Если бы можно было использовать заклинание «Туманной гончей» — порождение кадаверцианской силы легко нашло бы все магические ловушки. Но даже слабый

всплеск магии мог пробудить Витак. Поэтому в Прагу и поехал Босхет — мастер по разного рода вскрытиям. Его присутствие давало надежду на то, что до зала Совета колдун доберется живым и здоровым.

Кристоф подождал, пока бетайлас отойдет на тридцать шагов, и только потом двинулся следом. Витак молчала. Даже тупая боль в какой-то момент стала привычной. Коридор с множеством ответвлений, которые вели в жилые помещения подземного города, закончился входом в круглый зал с куполообразным потолком. Здесь находились ниши, застекленные витражами.

Опытный человеческий эксперт, взглянув на многокрасочные панно, сказал бы, что это работа венецианских мастеров, и... ошибся. Личный заказ Вольфгера исполняли фэриартос. Тысячи тысяч разноцветных стеклышек, сложенные в картины, рассказывали о самых значимых событиях в истории клана Кадаверциан от зари человечества до начала войны с Лудэром.

Последняя ниша была пуста — витраж, повествующий о победе над врагом, так и не был создан. Та победа оказалась... как говорят люди — пирровой. После нее было уже не до витражей.

В центре зала до сих пор работал фонтан. Струи воды били на десятиметровую высоту. Кристоф подумал о том, что в двенадцатом веке такое сооружение под землей люди сочли бы чудом. Теперь подобная диковина была легкодостижима для человеческой цивилизации. Однако смотрелось все по-прежнему величественно.

Раньше в глубоком бассейне жил Страж. Цепной пес клана Смерти. Ни оружие, ни стандартная магия братьев не могли причинить ему вреда. Если кровный брат не состоял в клане Кадаверциан, он не мог миновать Гипнала и проникнуть в эти залы без личного приглашения Вольфгера.

Кристоф перегнулся через бортик фонтана и с тихой грустью посмотрел в воду. Там, на дне, лежал скелет Гипнала — гигантского дипса¹, которого убила Витак. От некогда огромного, блестящего змеиного тела остался лишь длинный позвоночник и бугристый череп.

Величие клана исчезло так же, как погиб Страж. Тихо и незаметно для окружающих. После того как кадаверциан ушли из

¹ Д и п с — мифический змей, яд которого настолько силен, что им пропиты-ваются даже кости укушенного. Магия на эту рептилию не действует.

Праги, их силы оказались подорваны. Помня о случившемся, другие семьи не рисковали злить колдунов, но та глупая война забрала слишком много.

Уникальные книги были утрачены. Множество мастеров Смерти погибли. Некроманты перестали вмешиваться в политику кровных братьев и брали себе учеников лишь в исключительных случаях. Для кадаверциан наступила глубокая осень. Лудэр добились своего, даже проиграв. Рассвет силы клана сменился его закатом.

До недавних пор считалось, что исчезла сама суть, дух клана Смерти. Так думали многие...

Следуя за Босхетом, Кристоф прошел дальше по центральному коридору, с большим трудом удержался от соблазна посетить библиотеку, хранилище и лаборатории. Он понимал, что рисковать глупо и задерживаться не стоит.

Бетайлас внезапно остановился, оглянулся на колдуна и молча указал вперед. Присмотревшись, тот увидел в центре лестницы, ведущей наверх, едва мерцающее розовое зарево.

На нейтрализацию этой ловушки кадаверциану потребовалось больше пяти минут напряженной работы. Дважды он был близок к тому, чтобы привлечь к себе внимание Витах. Он чувствовал, как она беспокойно ворочается в своей дреме. Пытается выбраться, разорвать оковы сна, которыми ее опутал Вольфгер.

Прежде чем добраться до зала Совета, Босхет еще дважды предупреждал о спрятанных по дороге сюрпризах.

Один раз бетайлас замер посреди коридора, покрутил головой, то ли прислушиваясь, то ли принюхиваясь, протянул руку, явно ощупывая нечто невидимое перед собой. Затем вдруг резко отступил на шаг и подпрыгнул. Уцепился за едва заметный выступ на потолке, подтянулся и перелез через нематериальную преграду. Но едва его ноги коснулись пола, за спиной тут же вспыхнула стена, сотканная из зеленых волокон. Они сплетались, словно кусты густого терна, и сыпали изумрудными искрами.

Кристоф услышал сдавленные ругательства бетайласа, который задел один из «шипов», и бросился обрубить «ветки» ритуальным стилетом, сначала проделавшим брешь в зеленой стене, а затем полностью срезавшим густые «заросли».

Но если с этим препятствием колдун справился относительно легко, то с «Пьющим душу» возникла масса проблем.

Босхет, идущий впереди, неожиданно без единого звука рухнул на пол. Мертвое тело осталось лежать неподвижно, а сам дух-убийца, выброшенный из физической оболочки, метнулся прочь — как можно дальше от мощного сторожевого заклятия, едва не воссавшего его. Да и сам Кристоф едва не лишился своей силы. Заклятие, оставленное мэтром, напоминало губку и было готово с радостью впитать любое проявление магической энергии. Жаль только, что Витах «Пьющему» не по зубам.

Постоянно уклоняясь от щупалец заклятия, Кристоф лихорадочно работал. Наконец, когда руки уже ощутимо дрожали, ему удалось перевести «Пьющего» в замкнутую систему. Спустя несколько секунд ловушка сожрала саму себя и исчезла, открывая проход в слабо освещенный зал Совета.

На огромном полу черно-бело-зелеными плитами был выложен герб клана Кадаверциан — крест, увитый плющом. Сводчатый потолок терялся во мраке, а дубовые кресла, на которых в былые годы восседали братья, казались остовами тьмы. Кристоф остановился у крайнего. Это было его место — по левую руку от главы клана. Колдун провел ладонью по спинке. Затем заставил себя отбросить воспоминания и подошел к трону мэтра.

Здесь, на высоком столике, стояла шкатулка Вольфгера, в которой находилась святая для каждого из адептов смерти вещь — Крест Основателя. Тот самый, который клан выбрал для своего герба.

Он нес в себе немалую магическую силу, и та была столь страшна и опасна для любого из кровных братьев, что этим артефактом воспользовались лишь один раз. В конце противостояния с Лудэром.

Силой враги не уступали колдунам, и тяжелая война длилась не один век. С обеих сторон погибло множество братьев, но ни один не мог взять верх над другим. И тогда на совете кадаверциан было принято решение воспользоваться даром Основателя.

Мастера Смерти вызвали из потустороннего мира ту, что пожирает тела и души братьев. Витах. Они натравили ее на всех, в ком была кровь Лудэра, и за одну ночь от этого клана остались лишь воспоминания. Но вместе с ним исчезли больше двух со-

тен киндрэт, совершенно непричастных к войне, ибо Витах вырвалась из-под контроля и стала без разбору пожирать любого, кто питается человеческой кровью. Если бы не мастерство Вольфгера, история киндрэт завершилась бы в ту страшную зимнюю ночь.

Мэтру не удалось выбросить чудовищную сущность обратно в потусторонний мир — на это требовалось могущество самого Основателя. Но учитель Кристофа совершил невозможное — ценой невероятных усилий он сумел погрузить Витах в глубокий сон.

Однако сущность можно было разбудить свежей кровью тех, кто охотится ночью, или же достаточно сильной, неосторожно использованной магией. Именно по этой причине кланы навсегда покинули Прагу и перебрались в более безопасный город — подальше от Витах. И именно по этой причине под Петринский холм теперь вернулся Кристоф.

Находясь в двух шагах от тяжелой шкатулки, инкрустированной нефритом и ониксом, кадаверциан не видел никакой защиты, окружающей ее. Деревянная коробка выглядела абсолютно безобидной — нужно было просто подойти и открыть крышку. Многие, возможно, поступили бы именно так. Но однажды, очень давно, еще в Париже, который во времена юности Кристофа назывался Лютецией, колдун видел, как мэтр накладывает мощнейшее охранное заклятие на древнюю книгу пророчеств. И после на ней также не осталось никаких видимых следов.

Остановившись в шаге от цели, Кристоф напряженно вспоминал заклинание. Символы медленно всплывали в памяти и, казалось, приобретали материальность, едва мастер Смерти произносил их вслух.

Спустя минуту воздух вокруг шкатулки замерцал и сгустился, превращаясь в светящиеся зеленую прутья. «Кровавая решетка» стала видимой, но от этого не менее опасной. Любой прикоснувшийся к ней был бы убит на месте.

Вторая часть формулы далась кадаверциану с большим трудом. Она жадно отбирала у него остатки ментальных сил, наполняя голову звоном и путала мысли. Но, наконец, прутья дрогнули и рассеялись, выпуская добычу.

Колдун холодно проверил — не упустил ли еще какой-нибудь каверзы учителя — и лишь после этого, нажав на скрытую пружину, открыл крышку.

Сделанный из черного металла, Крест Основателя лежал на белом бархате и казался очень массивным. Серебряная с малахитом ниточка плюща обвивала крестовину. Некромант взял артефакт, и тот как влитой лег ему в руку. Достав из внутреннего кармана куртки черный шелковый мешок, Кристоф убрал в него реликвию, завязал алые шнурки и спрятал добычу в карман.

Все. Дело сделано. Теперь следовало уходить как можно скорее. Обратная дорога должна была стать слишком долгой, и никто не знал, какие сюрпризы приготовил Вольфгер для похитителя артефакта, задумавшего возвращаться назад по своим следам. Кадаверциан решил не рисковать.

В северной стене зала Совета виднелась глубокая ниша. В ней скрывалась очень крутая витая лестница. Множество выдолбленных в камне ступенек — грубых и узких — уходили во мрак и вели к каменной плите, перекрывающей выход.

Но дорога оказалась для Кристофа значительно тяжелее, чем он рассчитывал. Боль в спине нарастала, а и без того тяжелый крест теперь казался попросту непосильной ношей...

Когда кадаверциан наконец добрался до верхней ступени и, положив на плоский камень над головой обе руки, произнес заклятие «ключа» — глыба не дрогнула. Подождав несколько мгновений, колдун перевел дыхание и, стараясь не торопиться, повторил заклинание.

Снова никакого результата.

Очередной сюрприз Вольфгера? Или магия, заложенная в камни, рассеялась со временем?

Чувствуя, что с каждым шагом все ниже склоняется к земле, мастер Смерти спустился по ступеням и, вновь не пожелав идти по своим следам, поспешно направился в самое сердце подземного города...

Нужные ему покои были последними.

Двустворчатые двери распахнулись бесшумно от одного прикосновения. Аромат цветов ливанского кедра до сих пор витал в воздухе.

Помедлив, Кристоф шагнул в роскошный зал — осколок мира, принадлежавшего другой эпохе. Круглый золотой диск, изображающий солнце, свисал с потолка на тяжелых цепях. Статуя Анубиса в центре зала смотрела на необъятное ложе под

золотым балдахинном. Постель была смята, леопардовые шкуры на ней небрежно разбросаны.

Массивные треножники, стоящие на небольших возвышениях, сверкали так, словно их металл полировали совсем недавно. Занавеси из тончайшей газовой материи бросали призрачные тени на великолепные росписи на стенах: тростник, поднимающийся над черной водой, белые цапли, цветущий лотос. А в центре этого великолепия — изображение трона, на котором сидит прекрасная черноволосяя женщина в красно-белой короне двух Царств. Дочь фараона.

С фрески на Кристофа, не отрываясь, смотрели ее темные глаза, полные жизни. Алые губы улыбались едва заметно. Тонкое тело, обернутое белой тканью с золотыми полосами, казалось слишком хрупким на фоне массивного каменного сиденья.

И, глядя на это живое лицо, изображенное на мертвом камне, колдун на минуту перестал чувствовать боль в спине и тяжесть Креста в кармане...

Ее длинное, непроизносимое имя, казалось, просто невозможно запомнить, как и родословную, уходящую корнями в необозримо далекое прошлое. Дочь Эхнатона была высокомерна, умна, самолюбива, жестока, и жизнь уже давно тяготила ее.

«Жаль, что ты не появился среди нас на две тысячи лет раньше, — обронила она как-то, пристально глядя на Кристофа. И он впервые увидел в ее черных глазах тоску. — Быть может, тогда я смогла бы принять эту новую реальность».

Она научила его читать и говорить на древнеегипетском, драться на двусторонних секирах и видеть красоту в величественных статуях ее старых богов. А он слегка примирил Макетон с новой жизнью...

Она погибла от «Могильной гнили», так же, как и многие другие. В нелепости смерти гордая египетская принцесса ничем не отличалась от своих менее родовитых братьев и сестер. На рассвете Кристоф вынес ее, еще живую, из убежища и оставил на склоне холма.

Холодный пражский ветер разметал пепел, оставшийся от дочери фараона, и спустя годы на нем выросли новые деревья.

«Чем мы отличаемся от смертных? — подумал кадаверциан, последний раз взглянув на фреску. — Ничем. Также умираем и ложимся в землю».

...Каменный блок в стене за ложем отодвигался в сторону. За ним чернел провал потайного хода. В одном месте коридор становился просторнее, на полу появлялось нечто вроде ступеней, а затем сужался до темного лаза, протискиваться по которому можно было лишь с большим трудом.

Кристоф чувствовал себя крысой, ползущей по узкой трубе. Неожиданно ему показалось, что Витах чувствует, как удаляется Крест, к которому она была крепко привязана, и это беспокоит потустороннюю силу.

Лаз вывел в старый парк рядом с храмом святого Вавренсия. Колдун почувствовал запах сырой земли, его рука наткнулась на плиту, перегораживающую вход. Так же, как дверь из зала Совета, она открывалась с помощью магии и небольшого физического усилия. Но на середине камень заело, и некроманту пришлось потрудиться, чтобы выбраться...

— Помочь? — неожиданно прозвучал над ним участливый голос.

Кристоф резко вскинул голову и увидел уже знакомую фигуру в больничной пижаме. Серое пальто было небрежно наброшено на узкие плечи, стоптанные ботинки в грязи. Человек наклонился над некромантом, наполовину вылезшим из земли, и протянул руку. На ее запястье показался широкий шрам с белыми точками по краям...

Кадаверциан пристально посмотрел в лицо незнакомцу, и оно тут же стало меняться. Морок рассеялся. Теперь рядом с ним стоял, улыбаясь, юноша лет шестнадцати в коричневом пиджаке и потертых джинсах. В его длинных темных волосах виднелось несколько светлых прядок.

Иноканоан — глава клана Иллюзий. И непревзойденный мастер по их созданию.

Некромант молча ухватился за его руку и выбрался на поверхность.

— Думаю, ты не знаешь, зачем я здесь, — доброжелательно сказал лигаментиа, наблюдая за мастером Смерти, ставящим плиту на место.

— Отчего же, кое-какие предположения у меня есть, — отозвался тот, выпрямляясь.

Юноша сел на камень и с видом глубочайшей задумчивости уставился на землю у себя под ногами.

— Ты вынес из подземелий некий крест. Это был неразумный поступок.

— Ну и что ты собираешься делать теперь? — спросил кадаверциан не без иронии. — Попытаешься убить меня и забрать артефакт?

Иноканоан понимающе усмехнулся в ответ:

— Да, это бессмысленно. Здесь мы не сможем воспользоваться магией... боевой магией. Иллюзии не в счет. А в обычном поединке ты легко одолеешь меня. Только есть ли смысл драться, если можно договориться?

— Разумно, — согласился некромант, стряхивая грязь с куртки.

Лигаментиа вынул из кармана сигару, задумчиво посмотрел на нее, убрал обратно и продолжил:

— Появление в Столице артефакта Основателя может заставить кланы нервничать. И совершать ошибки...

— Надо было думать раньше, — резко отозвался Кристоф. — В тот день, когда ты голосовал за распад Совета, тебя не слишком беспокоили судьбы наших семей.

И, прежде чем Иноканоан успел возразить, продолжил:

— У меня есть несколько братьев и сестер, которые мне дороги. Их я и буду защищать так же, как они будут оберегать меня. А на прочих мне плевать.

Лигаментиа выглядел одновременно рассерженным и уязвленным. Но произнес по-прежнему вежливо:

— Кланов предпочитают не связываться с кадаверциан. Вас боятся и уважают. Скажи, от кого ты собрался защищаться с помощью этого? От гин-чи-най? Или от самого Основателя?

Кристоф промолчал, но юноша и не ждал ответа.

— А что, если кланы, объединившись, решат уничтожить кадаверциан до того, как те опять пробудят силу, погубившую Прагу?

— Они не объединятся, — ответил колдун, глядя на Иноканоана, который вдруг превратился из мудрого кровного брата в мальчишку, полного наивных юношеских представлений о жизни. — Одни будут сидеть тихо и трусливо желать, чтобы буря прошла мимо. Другие поползут к сильнейшему, вождю, получить его защиту. Третьи начнут громогласно звать к общественному разуму и потихоньку интриговать. А четвертые удалятся в прекрасные, безопасные земли, недоступные большинству. Так что все очень просто. Примитивно. И не ожидай от них большего.

Кристоф повернулся к лигаментиа спиной и пошел к выходу из парка.

— Ты говоришь, как Вольфгер, — разочарованно сказал ему в спину Иноканоан. — И поступаешь так же самонадеянно.

Не оборачиваясь, кадаверциан небрежно махнул рукой, непредумышленно повторяя жест мэтра, означающий: «Думай, как хочешь».

Глава 2 ОПАСНЫЙ ГОСТЬ

Это нелепо — разделять людей на хороших и плохих. Люди бывают либо обаятельны, либо скучны¹.

1 марта...

В центре просторной шестиугольной комнаты горел огонь. Он был заключен в круг и с шелестом бился об ажурную решетку, пытаясь вырваться и лизнуть ноги сидящего.

Верховный магистр клана Асиман смотрел на пламенный символ солнца и грел о его тепло холодные ладони. Огненные змеи, танцующие на длинных хвостах, тянулись к нему и плевались красными искрами. Особо резвые касались рук Амира, но не обжигали его. Их жар не мог уничтожить холод, давно живущий в теле мага.

Будь на то воля асимана, он бы сменил символ клана — корону и скипетр — на раскаленный диск солнца. Но вряд ли кто-то из учеников в состоянии понять иронию магистра. Древний страх перед светилом глубоко вошел в их кровь и требовал почитания других символов.

Невозможно безнаказанно изменить одному божеству, уйдя на службу к другому.

Религия юности Амира была проста. В мире в равных мерах существует добро — свет и зло — тьма. Между ними идет постоянная война, и человеку дозволено встать на любую сторону. Каждый поступок, каждое желание и мысль смертного может оказаться брешью в броне противника. Можно жить в бедности и гармонии, а можно в роскоши и пороке. Но первых божество

¹ Оскар Уайльд. Веер леди Виндермир.

поведет к свету по широкой дороге, а вторых — по узкому лезвию.

Душа молодого человека по имени Амир разрывалась. Одна ее часть, та, что просыпалась ночью, желала всех удовольствий этого мира. Ему отчаянно не хватало знаний, которые давали в храме, и ради большего он был готов даже убивать. Другая половина стремилась к свету и гармонии...

Он увидел ее во время чтения утреннего гимна. Молодой жрец призывал солнце, но на его зов из волн вышла прекрасная женщина.

Она изменила его жизнь, судьбу, предназначение. Показала дорогу, по которой он шагал уже не одно столетие и ни разу не пожалел и не усомнился.

— Ты боишься расплаты.— Киа сидела на ковре напротив смущенного юноши. Лазоревый полог над ее головой трепал ветер. Немигающий взгляд серых глаз, густо подведенных сурьмой, впивался в его глаза...

Вонзая острия ресниц, на стаи стрел похожи,
Их взоры ранят нам сердца, хоть и не ранят кожи.

Однажды он попытался прочитать ей стихи знаменитого поэта, но она лишь снисходительно покачала головой: «Это пустое. Не трать время». И с тех пор он произносил их лишь мысленно.

— Ты боишься расплаты.

Волны с шелестом набегали на берег. Ветерок касался ее черных локонов, выбивающихся из-под повязки, расшитой жемчугом. Мелодично позвякивали колокольчики, вплетенные в длинные косы.

— Я ничего не боюсь,— процедил он сквозь зубы, оскорбленный подозрением в трусости.

Киа улыбнулась яркими прохладными губами, сняла с пояса узкий ножичек и протянула его Амиру:

— Тогда пойд и заколи моего раба.

Жрец посмотрел на оружие, потом перевел взгляд на невольников, стоящих поодаль, и отвернулся. Ярость и стыд заливали лицо ядовитым жаром. Уже не в первый раз ему хотелось задушить красавицу, смеющуюся над ним. Но без ее позволения он не смел даже подумать о том, чтобы прикоснуться к ней.

— В страхе нет ничего постыдного. Я тоже боюсь... — Она протянула руку, дотронулась до гладко выбритого подбородка Амира, заставляя смотреть на себя.— Боюсь скуки.

Утреннее солнце леопардовым узором лежало на ее коже. Одевание, которое позволялось носить лишь египетским царицам, охватывало стройное тело, оставляя обнаженными грудь, руки и ноги ниже колен.

— Ты запираешь себя в клетке своей беспомощности. Тебе нет места среди людей. Я могу помочь тебе изжить свою слабость. Отведу к тем, кто освободит твою темную суть. Если ты хочешь этого.

Она была старше его на двадцать пять лет. Но ее лицо и тело оставались молодыми. Будучи великолепным алхимиком, Киа могла творить маленькие чудеса над своей плотью.

Умная, образованная, решительная, равнодушная к своей и чужой боли.

Она привела Амира в клан Асиман, глава которых доверял этой смертной женщине так же, как себе самому, если не больше. Ведь она была так умна, бескорыстна, стремилась к познанию истины и давала столько ценных советов.

Несколько десятилетий новый ученик магистра послушно выполнял волю господина. Сумел стать его доверенным лицом. А потом убил его с помощью прекрасной человеческой советницы, чтобы занять место верховного магистра. Без жалости и сожаления, в тот миг, когда учитель не ожидал нападения...

Амир был болен этой женщиной еще целых десять лет. Она приходила к нему, новому главе клана, на закате, пахнувшая морской солью и раскаленным песком, а уходила утром. Удержать ее было невозможно так же, как солнце.

Амир предлагал ей бессмертие, но Киа отказывалась, смеясь.

— Единственное, что примиряет меня с этим миром, — купание в морских волнах на рассвете. Я не хочу лишиться последней радости.

Лунный свет обливал ее полубнаженную фигуру белым шелком и застывал в глазах двумя лужицами расплавленного серебра.

— Обращение не обязательно. Есть другие пути.

Из темного сада долетало невнятное журчание ручейка и вздохи ветра в вершинах деревьев. Тихий голос женщины тонул в шелесте и шепоте ночи:

— Стать твоим гемофагом? Мне уже скучно. Как ты думаешь, смогу ли я пережить вечную жизнь?

Все свои знания и силы Амир направил на то, чтобы ее тело как можно дольше оставалось молодым. Но удержать дух в этой прекрасной оболочке мог лишь один Ахура-Манью.

Киа умерла на рассвете. Ее золотой саркофаг магистр приказал опустить на дно моря, которое она так любила...

«Кому бы мы ни поклонялись, — прошептал Амир, наклоняясь к огню, — мы все равно поклоняемся солнцу».

Пламя дохнуло жаром в его лицо в ответ на мысль, которую большинство братьев посчитали бы кощунственной.

В комнату бесшумно вошел Кайл, почтительно преклонил колено и заговорил, не поднимая головы.

— Прошу прощения, магистр, учитель просил передать вам... — он сделал паузу, резко вздохнул и закончил неутешительную новость, — опытный образец погиб. И мы пока не знаем почему.

Амир медленно повернулся к нему. Шею молодого человека все еще окольцовывал широкий красный рубец — след от наказания тридцатилетней давности так и не прошел. «А ведь колдун был почти у меня в руках...» Магистр перевел взгляд на стену, где пламенела фреска, изображающая силуэт женщины, погружающейся в океан. Навстречу ей из воды поднималась заря...

— Передай учителю, я сейчас буду.

Кайл торопливо вышел. Верховный маг еще раз коснулся лепестков огня, тянущихся к нему сквозь решетку. Поднялся, обеими руками огладил складки тяжелого одеяния и, не торопясь, направился к выходу. Массивная дверь захлопнулась за его спиной, закрыв в комнате воспоминания прошлого.

Лаборатория была практически пуста. Хмурый Якоб записывал результаты последнего эксперимента.

Во внешности второго помощника Амира причудливым образом смешивались римские и франкские черты. Светлые, холодные северные глаза, в которых иногда начинали светиться отсветы безумия берсерка, под сросшимися у переносицы черными бровями. Нос благородного патриция, одного из тех, что так любили изображать на античных памятниках. Кожа, сохра-

нившая матовую смуглость южанина, тяжелая квадратная нижняя челюсть.

В зависимости от душевного состояния асимана в нем ярче проявлялся образ одного из предков, заглушая другой. Сейчас перед Амиром сидел благородный житель Великой Империи, поглощенный научной работой.

Ученик Якоба упаковывал остатки опытного образца в черный полиэтиленовый мешок. Увидев магистра, второй помощник начал приподниматься, но Амир жестом велел ему оставаться на месте и не прерываться. Подошел к Кайлу.

— В чем цель человеческой медицины?

— Добиться бессмертия.— Не поднимая взгляда, тот рывком застегнул молнию.

— А наша цель?

— Добиться бессмертия,— устало повторил Якоб вместо воспитанника, закрывая журнал.— Оставьте его, магистр. Он немного... расстроен. Сегодня мы пытались воплотить в реальность его идею. Мой ученик возлагал на нее много надежд. Но, к сожалению...

Кайл навалился на стол обоими кулаками и с ненавистью уставился на пластиковый мешок, скрывающий итог его опыта.

— Не понимаю. Ошибки быть не могло. Эксперименты на животных показывали такие хорошие результаты! Магистр, взгляните.

Он бросился к столу, схватил с полки папку и поспешил к Амиру.

— Вот. Эта молекула.— Ученик торопливо перевернул несколько страниц и ткнул пальцем в длинную формулу.— Она очень большая, и ее поверхность... — он замолчал, подбирая нужное слово,— шероховатая, покрыта выступами. Она буквально притягивает воду. И... —

— ...на животных это действует великолепно.— Амир бегло просмотрел записи.

— Да!

Теперь Кайл смотрел на мага взглядом, горящим вдохновением и нетерпением. Ожидал, когда ему укажут на ошибку, и можно будет броситься резать новых «пациентов».

— А когда ты ввел свой препарат человеку, начался некроз тканей.

— Да,— уже с меньшим энтузиазмом подтвердил ученик.

— Он по-прежнему считает, что магия и медицина несовместимы,— сказал Якоб с усмешкой, хотя в его голосе слышалась гордость за ученика.— Современные специалисты. Не понимают, что в наше время любая наука была магией.

— Я покажу, в чем твоя ошибка.— Амир вынул карандаш из нагрудного кармана Кайла и подчеркнул несколько слабых мест в записях.— Обрати внимание на эти соединения.

— Значит, я могу продолжать?!

Нетерпение воспитанника позабавило магистра.

— Можешь. Но не сегодня. У меня есть для тебя и для твоего учителя персональное задание. И оно связано с магией.

На лице Кайла появилось недоверчиво-настороженное выражение. Якоб устало потер переносицу и поднялся.

— Идемте за мной.

Длинный коридор, выложенный гранитными плитами с красными прожилками, изгибался широкими концентрическими кругами. Он вел в нижние лаборатории. Часть из них были открыты всегда, но самая нижняя отпиралась лишь по личному приказу Амира. Кое-кто из асиман называл эти помещения кругами ада. И только идиоты могли считать, что там подвергаются пыткам люди. Какой смысл доводить опытный материал до смерти от болевого шока.

Вчера магистр слышал разговор двух лаборантов:

— Где ты работал сегодня?

— В третьем.

— Повезло.

— Повезло?! У нас трое с отравлением. Едва не передохли. Мы работаем, как каторжные, а толку? Я не вижу смысла...

Он замолчал, увидев Амира, и оба асимана поклонились магистру. А тот пристально взгляделся в лицо недовольного, запоминая. Магом становится лишь адепт, который доходит до самого нижнего круга, не обращая внимания на повреждения, ожоги, травмы, усталость и периодические разочарования. А этот юнец так и останется на подсобных работах. Потому что не видит смысла...

Магистр взглянул на Кайла. Ученик оглядывался с жадным любопытством, и его глаза горели нетерпением.

Коридор закончился. Амир остановился у последней двери, приложил руку к косяку. Контур ладони обвело огнем, вход от-

крылся. Но в это мгновение к магистру подбежал запыхавшийся Рэдрик. Похоже, он мчался бегом с верхнего уровня.

— Господин ар Рахал, прошу прощения. К вам пришли.

— Кто? — отрывисто спросил Амир, недовольный тем, что его отвлекают.

Маг замялся, быстро огляделся по сторонам и произнес отчего-то шепотом:

— Дарэл Даханавар.

Кайл тихо свистнул, Якоб покачал головой. Удивляться было чему. Похоже, бывший телепат мормоликаи сошел с ума, если решил явиться в убежище к асиман.

— И что, позволь узнать, ему надо?

— Он хочет побеседовать с вами. Говорит, это очень важно.

— Хорошо. Я поговорю с ним. Проводи его в мой кабинет.

Даханавар вольготно расположился в кресле перед плазменным телевизором.

Телепат не обращал внимания на троих охранников, глядящих на него как голодные кошки на мышь, и с предельно заинтересованным видом смотрел на экран, нажимая кнопки пульта и перебирая телевизионные каналы. Но, едва только заметил появление магистра, стремительно поднялся, лучась широкой улыбкой.

— Уважаемый Амир. Счастлив видеть в добром здравии.

Асимана передернуло от подобного приветствия.

— Ты отрываешь меня от работы,— процедил он сквозь зубы.— Что тебе надо?

— Видишь ли, в чем дело... — Дарэл бросил пульт на кресло, подошел ближе и произнес доверительно: — Мне нужно убежище. А твой дом подходит для этой цели как нельзя лучше.

Подобной наглости нельзя было ожидать даже от Миклоша. Асиман желчно рассмеялся и спросил:

— Некроманты больше не нуждаются в твоих услугах? Решил поменять покровителя?

Дарэл смерил его раздражающе снисходительным взглядом:

— Ты не понял. Я пришел сюда не для того, чтобы предлагать тебе услуги телепата. Мне нужен ты и весь твой клан. Я не собираюсь работать на вас. Я хочу, чтобы вы поработали на меня.

Амиру осталось лишь ошеломленно покачать головой. Его первое предположение оправдалось — даханаварский сопляк

действительно безумен. Магистр чуть шевельнул ладонью, и в сторону Дарэла полетела стая раскаленных искр.

Он не собирался убивать глупого, нахального щенка. Тот мог пригодиться живым. Но телепат неторопливо шагнул в сторону, и тут же воздушная волна смела огненные капли и швырнула их на пол, превращая в жалкие хлопья сажи.

— Не думаю, что это верное решение, — сказал он.

Магистр почувствовал мощную магическую вспышку и застыл, потрясенный.

В руках Дарэла появились два коротких огненных жезла с кривыми лезвиями на концах. Он лениво крутанул их, превращая в размытые круги пламени. Высшая магия асиман. «Тенеты огня».

Охрана, наконец, очнулась от шока и бросилась на защиту магистра.

Огненные лезвия легко выскользнули из ладоней телепата и, шипя, врезались в двух магов, рассекая их пополам. Третий успел швырнуть клубок пламени, но красный диск расплылся заклинание и отсек асиману голову.

Амир, не помня себя от ярости, вскинул руку. Пламенная волна хлынула на убийцу, скрыла его фигуру, сжигая дотла. Должна была сжечь, но в ту же секунду магистр увидел два сверкающих ледяных лезвия, пронзающих огонь. Мощнейшее заклинание разорвало в клочья. Пламя зашипело, испаряясь, потекло на пол потоком черной грязи. А невредимый Дарэл стоял, усмехаясь, и небрежно поигрывал двумя короткими ледяными клинками.

И, прежде чем Амир успел ответить новой магической атакой, один из мечей полетел в его сторону, превратился в ослепительно сверкающую сеть и опутал с ног до головы. Изумленный асиман почувствовал, что не может шевельнуться, более того, даже не может призвать магию. Пламя, всегда послушное ему, как будто превратилось в едва тлеющие угли.

Телепат вдруг обернулся к выходу, размахнулся и швырнул второй клинок в сторону двери. В ту же секунду она распахнулась, и в кабинет вбежал Якоб. Синяя молния пронзила его, вздернула в воздух и пригвоздила к стене, словно тряпичную куклу. Ученик магистра дернулся и безжизненно уронил голову на грудь. По рукояти меча, торчащего из его тела, побежала струйка крови. Дверь захлопнулась сама собой.

— Вся беда в том, что своей магией победить меня вы не мо-

жете,— любезно пояснил Дарэл, наблюдая за яростными попытками Амира освободиться.— А другой не знаете.

Даханавар махнул рукой, меч вылетел из груди Якоба, и телепат легко поймал оружие. Ученик тяжело рухнул на пол. Потом пошевелился и застонал.

— Жив,— равнодушно заметил Дарэл.— Я ценю полезных людей и не людей.

Задыхаясь от бешенства, магистр пытался собрать ускользающую от него силу, все еще уверенный, что она вернется через мгновение. И в то же время в глубине души он чувствовал, как начинает разрастаться в нем тончайшая паутинка неуверенности. Привычный мир, в котором Амир Асиман считался непобедимым, был готов дать трещину.

Где даханаварский ублюдок мог обучиться сложнейшей огненной магии?! Заклинаниям, доступным лишь верховным огненным магам? И как он сумел воспользоваться давно забытыми заклинаниями леарджини?!

— Ты сам научил меня,— отозвался телепат, явно прочитав его мысли, и сел в кресло, воткнув оружие в пол рядом с собой.

— Ты не выйдешь отсюда живым, клянусь! — прохрипел магистр.— Нет, ты не умрешь быстро. Я прикажу поджаривать тебя на медленном огне, пока ты...

— Хватит,— произнес Даханавар спокойно, однако что-то в его голосе заставило асимана замолчать.— Ты же не глуп, Амир. Мы могли бы договориться, а ты заставляешь меня проделывать все эти бессмысленные трюки и убивать твоих слуг.

В коридоре у кабинета слышались торопливые шаги, тревожные голоса. В дверь постучали.

— Магистр! Господин ар Рахал! Магистр, ответьте!

Глава клана молчал, не отрываясь глядя на Дарэла. На коленях даханавара засветился красный шар, медленно принимающий форму ящерицы с высоким острым гребнем. Огненная саламандра, пока еще маленькая и безобидная, лениво зевнула, переползла на плечо к телепату и потерлась заостренной мордой о его скулу. Амир застыл, чувствуя, как по его виску течет капля пота.

— Невозможно,— прошептал асиман.— Дух Огня не подчинялся никому... никогда... кроме...

— Кроме Основателя, я знаю,— небрежно отозвался Дарэл.

Голоса у кабинета стали громче. Видимо, обеспокоенные ученики собирались выбить дверь.

— Ответь им,— предложил телепат, поглаживая саламандру.— Впрочем, ты можешь пригласить их войти. Эта зверушка очень голодна. И я с удовольствием скормлю ей весь твой выводок.

Амир помедлил секунду и крикнул:

— Уходите! Я занят.

Голоса стихли, чтобы тут же зазвучать снова:

— Но магистр, мы слышали...

— Убирайтесь все! Живо! Когда будет нужно, я позову.

Никто не хотел испытать на себе гнев ар Рахала, поэтому асиманы поспешили удалиться.

— Мудрое решение,— улыбнулся Дарэл.— Может быть, теперь поговорим спокойно?

— Хорошо,— выдавил из себя Амир.— Чего ты хочешь?

Сеть растаяла, выпуская его. Магистр сделал несколько нетвердых шагов к дивану и тяжело опустился на него.

— Сначала, позволь, я расскажу тебе одну легенду. Про Основателя и клан Кадаверциан.— Даханавар осторожно снял саламандру с плеча и пересадил на подлокотник кресла.— Располагайся удобнее. Рассказ будет долгим.

Глава 3 ЧУЖАК

Связующим звеном всех отношений, будь то брак или дружба, является разговор¹.

2 марта

Дарэл Даханавар

Всего несколько часов назад я лежал на узкой продавленной кровати, чувствуя, как мир медленно вращается вокруг. В голове звучали чужие голоса, из темноты выплывали смутно знакомые лица. Чужая магия разрывала на части...

Я, и не совсем я. Сознание разделилось. Одна его часть принадлежала мне, другая вдруг обрела собственную волю и желания. Я не мог бороться с ней. Она была слишком сильной. Чудовищно сильной. Мне удавалось лишь плыть по течению чужих мыслей, временами проваливаясь в черноту. И снова вы-

¹ Оскар Уайльд. De Profundis.

ныривать на поверхность... Размышления мои часто путались с его воспоминаниями и видениями.

Пребывание в сознании Вивиана едва не лишило Основателя последних сил. Молодой некромант боролся слишком упорно. Не хотел выполнять приказы, не желал слушаться мудрого «внутреннего голоса». Пытался жить сам, упрямый глупец.

Чужая сила довела только что обращенного человека до надежного укрытия. Спасла от фанатиков — фэри, считавших возрождение Основателя национальным бедствием... Если бы Фрэнсису и двум его ученикам удалось провести задуманный ритуал, сейчас он болтался бы внутри древнего артефакта, беспомощный и жалкий.

— Я создал их! Почему теперь они хотят уничтожить меня?!

Он с размаху ударил кулаком по спинке кровати, и я, испытывая чужую ярость и ненависть, с трудом поднялся. Шатаюсь, добрался до мутного, засиженного мухами зеркала, и чужак, поселившийся в моем разуме, увидел свое лицо. Для него новая внешность была странной, но не отвратительной. Пожалуй даже, она больше соответствовала его новой внутренней сути.

Он, и я вместе с ним, снова рухнул на кровать. Пружины продавленного матраса натужно застонали.

В старом доме, подготовленном под снос, гулял ветер, играя обрывками обоев и клочьями пакли, вылезшей из дыр между рамами. В обломках старой мебели шуршали тараканы. Грязь, запустение и убожество.

Великолепное место для возрождения.

«Господин, мы будем ждать. Десять тысяч лет, двадцать, неважно... Мы сделаем все, чтобы ты вернулся. Мы помним нашу цель и передадим ее тем, кто последует за нами...» — Уродливая морда Молоха, одного из первых созданий Основателя, выражала полное подчинение, едва ли не преклонение. Впрочем, все тогда казалось ему уродливым. Диким, чужим.

— Ничего вы не помните, — прошептал он моим голосом в пустоту прошлого.

Ему не мешали искорки моего сознания. Казалось, он вообще не ощущает мое присутствие. Сила кланов переполняла его, создавая ощущение невиданной мощи. Но это была иллюзия.

«Мне нужно убежище. Место, где я смогу спокойно дождаться окончания трансформации. Где найти такое место? У кого?»

Чужак закрыл глаза, одно за другим вспоминая незнакомые и такие узнаваемые лица. Моя память была наполнена яркими

образами, номерами телефонов, адресами. Вся информация, доступная мне, теснилась и в его голове.

Он копался в моих воспоминаниях, тасуя образы кровных братьев, словно колоду карт. И те, кого я считал друзьями, для него таковыми не были. Так же, как и враги...

«Кадаверциан? Нахтцеррет? Даханавар? На территорию волков заходить не стоит. И попадаться на глаза лигаментиа тоже нельзя. Фэриартос... вьесчи... асиман... Мне нужно время. Время, чтобы вся сила пришла в равновесие. Сейчас я беспомощен почти как раньше. Тогда, в первые дни».

С его руки сорвалась золотая молния и ударила в грудь рухляди, наваленной у стены,— обломки мебели разлетелись во все стороны.

У меня больше не было сомнений в том, что за существо прочно поселилось в моем сознании. Вольфгер, обративший Вивиана, передал ему не только всю свою силу, но еще и потусторонний дух, о котором я слышал лишь в легендах. А я, пытаюсь спасти молодого кадаверциана, считал его воспоминания и перетянул в свой разум чужую сущность. То есть она перебралась сама, почувствовав во мне способности телепата. Того, кто сможет собрать всю доступную силу кланов... Ученик Кристофа успешно обуздывал Основателя, не давая тому управлять собой и диктовать свои желания. Я выпустил его на волю.

Магия этого мира была для него чуждой. Но он очень быстро учился. Сначала, с моей помощью, он овладел силой кланов в теории, теперь, видимо, пришло время практики...

За окном выла метель. Ее дыхание залетало внутрь сквозь разбитое стекло. Ледяная изморозь оседала на стенах острыми кристалликами инея, искрящегося в свете уличного фонаря. В промежутке между рамами выростала горка снега.

«...Мне нужна еда, нужна кровь. Здесь я могу питаться только кровью...»

Агум, так чужак называл себя мысленно, протянул руку, нагреб полную горсть снега и прижал ко лбу. Пальцы и кожа онемели от холода, по щеке побежала капля воды. Мороз, боль, тепло, шум дыхания, торопливые толчки сердца, голод... Простейшие ощущения вновь обретенной жизни... Он жадно впитывал каждое новое чувство, упиваясь им.

Затем в мыслях Основателя замелькали картины прошлого. Они были отрывочны, оборваны, словно кадры из фильма, снятого на любительскую камеру. Но от этого не менее яркие,

яростные и болезненные. И я был вынужден переживать их вместе с ним...

Синяя вспышка магического портала, разодравшего пространство. Камни, жидкая грязь чужого, враждебного мира. Быстро увеличивающаяся полоска света на горизонте превращалась в белое слепящее марево... Обожженная кожа и слезящиеся веки.

Первое правило — никогда не попадать на дневной свет... Первое убежище — пещера, полная прохладной, спасительной тени. И уже в ней, растянувшись на полу, многие часы боли от ожогов и непереносимой тяжести. Его словно придавило к полу каменной плитой. Магия, переполнявшая все его существо, казалась непосильной ношей. Она душила и разрывала на части. Не давала подняться и связно мыслить.

Мир за пределами пещеры был наполнен жизнью. Яркой, молодой, сильной и жадной. Множество созданий перемещалось по земле, но для Атума все они были одинаковы — всего лишь светящиеся комочки тепла. Материал, из которого можно создавать новых существ.

Решение пришло в яркой вспышке внезапного озарения. Он должен избавиться от магии. Пожертвовать ею для того, чтобы выжить. Навсегда остаться в этом мире.

Первое создание из тех, кого он привлек силой магии, погибло, выжженное его мощью.

За ним последовали другие. Одни умирали сразу, другие удерживали в себе искорку силы, подаренной чужаком, несколько часов, дней или недель. Но все они оставались несовершенными до тех пор, пока Атум не понял, кто из них изначально наделен разумом.

Он не помнил, как создал первых, разделив себя между ними. Дав каждому частицу магии и вложив в каждого стремление развивать ее, приспособлявая к особенностям этого пространства. А свой дух поместил в самого ценного, единственного, способного выйти в потусторонний мир.

И уснул, опустошив свое сознание и разум. Потерял себя на много тысяч лет, чтобы проснуться в полуразрушенном доме...

Атум вытер мокрую от растаявшего снега руку об одежду и поднялся. «Асиман», — решил он, глядя на морозные узоры на окнах. Жадные, беспринципные и скрытные. Вот кто нужен ему сейчас.